

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Русиновой Веры Николаевны на тему «Права человека в вооруженных конфликтах: соотношение норм международного гуманитарного права и международного права прав человека», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по научной специальности «12.00.10 – Международное право; Европейское право»

Вооруженные конфликты, а равно порождаемые ими многочисленные проблемы гуманитарного, экономического и социального характера до сих пор не уходят из актуальной повестки жизни международного сообщества, заставляя ученых, специализирующихся в различных областях знаний, искать пути если не искоренения, то смягчения ужасов и страданий, связанных с этим трагическим явлением. Научный дискурс международного публичного права в этой области развивается по нескольким направлениям, среди которых разработка и совершенствование норм, обозначаемых как *jus contra bellum* и направленных на детализацию критериев правомерности применения силы государствами, а также норм международного гуманитарного права (*jus in bello*), призванных ограничить средства и методы ведения войны и защитить жертв вооруженных конфликтов в специфической ситуации международных и немеждународных вооруженных конфликтов. Нормы еще одной отрасли международного права – международного права прав человека – также применимы в этой ситуации, однако, долгое время считалось, что задача состоит в том, чтобы добиться от сторон конфликта соблюдения хотя бы норм международного гуманитарного права, которые часто рассматриваются в качестве компромисса между требованиями гуманности и военной необходимости. Относительно недавно – благодаря деятельности международных судов и органов по защите прав человека – стали появляться первые примеры применения международного права прав человека в вооруженных конфликтах. Диссертационное исследование В. Н. Русиновой посвящено именно этой актуальной проблематике: установлению сферы применения норм международного права прав человека в вооруженных

конфликтах, а также определению соотношения этих норм с международным гуманитарным правом.

Основные выводы, сделанные в диссертации

Диссертация В. Н. Русиновой состоит из двух разделов. Первый раздел посвящен различным вопросам совместного применения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека в вооруженных конфликтах. В первой главе «международное гуманитарное право» и «международное право прав человека» анализируются как понятия и отрасли международного права. Автор основывает многие из своих последующих умозаключений на сделанном в этой главе выводе о том, что анализируемые отрасли международного права не являются ни «автономными», ни «самодостаточными режимами», предметы регулирования этих отраслей пересекаются, соответственно, такое разделение не предполагает логической чистоты, то есть непересечения объемов этих понятий. В частности, именно этот довод является центральным при анализе возможности использовать принцип *lex specialis derogat lege generali* на уровне отраслей международного права.

Во второй главе обосновывается применимость международного права прав человека в вооруженных конфликтах и определяется сфера применения норм этой отрасли в пространстве и по кругу лиц. Основные проблемы применения международных договоров в пространстве, как верно отмечает автор, связаны со случаями, когда действия лиц, поведение которых вменяется этому государству, происходят за пределами его границ, что может иметь место в случае непосредственного участия государства в международном или немеждународном вооруженном конфликте, происходящем за рубежом, в том числе в случае оккупации, а также в связи с предоставлением этим государством своих военных формирований для участия в операциях по поддержанию мира. Проанализировав основные международные договоры по правам человека и практику их применения, В.Н. Русинова формулирует общий вывод о том, что международное право прав человека применимо к

вооруженным конфликтам, происходящим за пределами территории того или иного государства – участника международного договора в том случае, если это государство осуществляет эффективный контроль над территорией, где имеет место конфликт, или если жертвы нарушений находились под его «властью и контролем» (стр. 77-79 диссертации). Этот вывод имеет серьезное прикладное значение, потому как речь идет не только об экстерриториальном действии норм материального права, т.е. международно-правовых обязательств государств-участников соответствующих международных договоров, но и о компетенции международных органов, занимающихся защитой прав человека как на универсальном, так и на региональном уровне, принимать к рассмотрению дела, связанные с нарушением прав человека в вооруженных конфликтах.

Применение международного права прав человека по кругу лиц вызывает вопросы в части их применимости к международным организациям. Исходя из того, что, как правило, за предоставляющим контингент государством сохраняется контроль за проведением операции, можно согласиться с мнением диссертанта об оправданности применения теста «эффективного контроля» (стр. 90-91 диссертации).

Другим дискуссионным вопросом является возможность распространения действия международно-правовых обязательств в области прав человека на неправительственные организованные вооруженные группы. Автор диссертации приводятся аргументы как в поддержку, так и против такой возможности, и формулируется достаточно смелый вывод о том, что происходит расширение сферы применения международного права прав человека *ratione personae* за счет формирования международного обычая, в силу которого обязательства по соблюдению основных прав человека возлагаются и на неправительственную сторону вооруженного конфликта (стр. 97-101 диссертации).

В третьей главе диссертации раскрываются основные теории соотношения норм международного гуманитарного права и международного

права прав человека: конкурентная, комплементарная и интеграционная. Развенчивая конкурентную теорию, автор соглашается со сторонниками комплементарной, однако, идет в своих выводах и рассуждениях дальше, выходя на то, что имеет место интеграция норм международного гуманитарного права и международного права прав человека. Этот вывод базируется на глубоком исследовании содержания, структуры, а также порядка формирования норм этих двух отраслей международного права. Научный интерес представляет вывод о том, что соотношение этих норм может быть представлено в виде конструкции, когда нормы международного гуманитарного права выступают в качестве минимальной планки для ограничения прав человека в вооруженных конфликтах (стр. 149 диссертации). Тем самым за основу берется общая структура прав человека, а законы и обычаи войны трактуются в качестве т.н. «пределов ограничений» прав человека. Автор справедливо отмечает, что в формировании этой планки участвуют и нормы международного права прав человека, которые не могут быть ограничены, и нормы международного уголовного права (стр. 157 диссертации). Можно только согласиться с выводом диссертанта о том, что принципиальное значение имеет возможность не делать отступления, а ограничивать права и свободы человека в условиях вооруженного конфликта. Отсюда следует положительно оценить усилия диссертанта по составлению списка прав, которые нельзя ограничить, и запретов, от которых нельзя отступить в ситуации вооруженного конфликта (стр. 162-165 диссертации). Этот список из 22 двух пунктов можно рекомендовать к использованию при составлении различных наставлений и инструкций для участников вооруженных конфликтов.

Второй раздел диссертации сфокусирован на выявлении и разрешении потенциальных коллизий, возникающих между нормами этих двух отраслей. В четвертой главе, которая открывает данный раздел, автором анализируются общие вопросы разрешения коллизий в международном публичном праве. Несмотря на большую теоретическую и практическую значимость, вопрос

коллизии международно-публично-правовых норм не стал предметом серьезного научного осмысления, поэтому сделанные автором данной диссертации выводы, касающиеся различных подходов к установлению объема понятия «коллизии норм» в международном публичном праве, представляют интерес не только в рамках исследования соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека. Можно только поддержать тезис о том, что применение узкого подхода к толкованию коллизий, т.е. отрицание возможности возникновения коллизий между обязывающей и уполномочивающей нормами, ведет к ситуации, когда конфликт между нормами «разрешается путем его игнорирования» (стр. 177-178 диссертации). Именно к этому типу коллизий относятся два основных противоречия, традиционно выделяемых при оценке соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: это коллизии, связанные с защитой права на жизнь и права на свободу личности в вооруженных конфликтах.

При анализе этих, как обозначается в диссертационной работе, «потенциальных коллизий», в пятой и шестой главе автор последовательно решает поставленную задачу: установив точное содержание норм международного гуманитарного права, регулирующих применение летальной силы в вооруженных конфликтах, пытается выявить, что привнесли в международно-правовое регулирование этого вопроса принятие международных договоров в области прав человека и последующая практика международных органов по защите прав человека.

При анализе норм международного гуманитарного права, регулирующих правомерность применения летальной силы в вооруженных конфликтах, автор делает несколько выводов, которые представляют серьезный научный интерес. В частности, детальной проработке подвергаются нормы, регулирующие классификацию лиц в вооруженных конфликтах, а также связанные с установлением того, принимает ли лицо «непосредственное участие в военных действиях». В работе предлагается использовать достаточно обоснованный

подход к классификации лиц в немеждународных конфликтах, основанный на сочетании двух посылок: признании того, что члены организованных вооруженных групп не могут включаться в состав «гражданского населения», а также применении ограничительного подхода к толкованию понятия «непосредственное участие в военных действиях» (стр. 233-255 диссертации).

Заслуживает внимания разработанный автором «интегрированный» подход к оценке правомерности лишения жизни в вооруженном конфликте, сочетающий в себе положения как международного права прав человека, так и международного гуманитарного права (стр. 289-304 диссертации). Этот подход явно отличается от предлагаемых в науке способов применения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека в вооруженных конфликтах: а это господствовавший долгое время подход, основанный на действии принципа *lex specialis*, а также подход, подразумевающий необходимость выбора «военной» или «правоохранительной парадигмы».

Можно поддержать и сделанный в диссертации вывод о том, что за счет действия норм международного права прав человека был расширен круг обязательств государств по проведению расследования случаев гибели людей в вооруженных конфликтах, предусмотренный нормами международного гуманитарного права (стр. 313-346 диссертации).

В шестой главе содержится несколько важных и имеющих научное значение выводов, которые связаны с действием права на свободу личности в вооруженных конфликтах. Прежде всего, это вывод о применимости заимствуемого из международного права прав человека принципа законности к оценке правомерности лишения свободы в вооруженных конфликтах (стр. 358-365 диссертации). Следует поддержать критическое заключение автора о том, что действующие договорные нормы международного гуманитарного права, применимые в вооруженных конфликтах немеждународного характера, не могут рассматриваться в качестве отвечающих принципу правовой определенности (стр. 22, стр. 361-365 диссертации).

При анализе такой специфической формы лишения свободы как интернирование автор верно выходит на необходимость проведения различия между вооруженными конфликтами международного и немеждународного характера. Как это подчеркнул в своем решении по делу *«Хассан против Великобритании»* Европейский Суд по правам человека, в международных вооруженных конфликтах даже в отсутствие отступления по статье 15, статья 5 Конвенции должна толковаться как допускающая правомерное интернирование на основании норм международного гуманитарного права. Вместе с тем, диссертант справедливо указывает на то, что данный вывод не должен распространяться на немеждународные вооруженные конфликты (стр. 365-374 диссертации). Наконец, представляются очень актуальными результаты проведенной автором работы по составлению списка и выявлению содержания процессуальных прав и гарантий, которые должны предоставляться интернированным лицам в свете совместного применения норм обеих отраслей международного права (стр. 374-387 диссертации).

Обоснованность и достоверность выводов, сделанных в диссертации

Обоснованность указанных выше научных положений и выводов, сделанных в подготовленной В.Н. Русиновой диссертации, вытекает, прежде всего, из того, что они базируются на теоретических разработках ведущих российских и зарубежных ученых в области международного гуманитарного права, международного права прав человека, общей теории прав человека, права международной ответственности, права международных договоров, а также международного уголовного права. Выносимые на защиту положения представляют собой результат толкования действующих норм международного права в свете последующей практики их применения. Достоверность выводов предопределяется также и тем, что в работе был проанализировано более 200 решений международных органов по защите прав человека. При этом исследование было проведено в отношении универсального и регионального уровня защиты прав человека (европейского, американского и африканского). Сделанные в диссертации выводы базируются и развивают результаты

деятельности Комиссии международного права ООН, а также различных экспертных групп, которые создавались под эгидой Международного комитета Красного Креста.

Научная новизна результатов диссертационного исследования

Диссертантом на защиту вынесено 12 положений, которые сформулированы на стр. 17-23 диссертации.

Первое положение об экстерриториальном применении международных договоров по правам человека обладает научной новизной в той части, которая касается европейской системы защиты прав человека, потому как именно Европейский Суд по правам человека до сих пор очень осторожно подходит к толкованию понятия «юрисдикция» и предлагаемый автором подход предполагает изменение толкования сферы применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод в пространстве.

Второе предложение, выносимое на защиту, состоит из двух блоков. Первый блок касается распространения обязанностей по соблюдению прав человека на международные организации, что, исходя из того, что эти субъекты международного права не являются участниками международных договоров по правам человека, до сих пор является предметом доказывания. Второй блок выводов представляет собой достаточно дискуссионный, однако, между тем, исключительно новый для науки международного права вывод о том, что имеет место формирование нового международного обычая, в силу которого и организованные вооруженные группы могут рассматриваться в качестве адресатов обязанностей по соблюдению прав человека.

В шестом положении, которое выносится на защиту, предлагается авторский вариант классификации лиц в вооруженных конфликтах немеждународного характера. Отсутствие четкого нормативного указания на деление лиц в этих конфликтах в совокупности с применимостью принципа различия является одной из серьезнейших проблем не только научного, но и практического характера. В науке предлагаются различные подходы к подобной классификации, и сформулированный В. Н. Русиновой подход

отличается от других попыткой обеспечить баланс за счет исключения лиц, которые являются членами организованных вооруженных групп, из категории «гражданских лиц», и ограничительного подхода к понятию «непосредственное участие в военных действиях».

В качестве седьмого положения на защиту вынесены ряд критериев, которые должны применяться при квалификации поведения, как подпадающего или не подпадающего под «непосредственное участие в военных действиях». Как известно, в 2009 г. под эгидой Международного комитета Красного Креста было опубликовано Руководство по толкованию этого понятия. Предлагаемые В. Н. Русиновой критерии основаны на критическом осмыслении подходов, заложенных в этом Руководстве.

Представляется, что выводы, сформулированные в остальных выносимых на защиту положениях, могут рассматриваться как составные элементы интеграционной теории соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека, обоснование и содержание которой является ядром теоретических разработок, изложенных в данной диссертации. В российской науке представлено несколько работ (прежде всего, это труды В.А. Карташкина, И.А. Ледях, В.А. Батыря), в которых содержатся некоторые выводы об интеграции норм этих двух отраслей, однако детальный и комплексный анализ этого явления до появления данной диссертации не проводился.

Теоретическая и практическая значимость сделанных в диссертации выводов

Теоретическая значимость диссертации В. Н. Русиновой заключается в следующем. В исследовании подробно раскрыто содержание «интеграционной теории», которая объединяет изложенные в диссертационном исследовании теоретические положения, раскрывающих особенности совместного применения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека. Автором обозначены границы совместного применения этих норм в пространстве, по кругу лиц и по содержанию. В диссертации

сформулирован подход к соотношению институтов ограничения прав человека и отступления от обязательств по соблюдению прав человека. Выводы, сделанные в диссертации, позволяют конкретизировать компетенцию международных органов, занимающихся защитой прав человека, по рассмотрению дел, связанных с вооруженными конфликтами.

Вкладом в развитие теоретических положений международного гуманитарного права является предложенный в диссертации т.н. «сбалансированный подход» к толкованию понятия «гражданские лица» в немеждународных конфликтах, а также толкование понятия «непосредственное участие в военных действиях».

Прикладное значение данного исследования обусловлено необходимостью проведения дальнейшей работы по совершенствованию инструкций и наставлений для военнослужащих по применению норм международного права в вооруженных конфликтах. Выводы и рекомендации, сделанные в диссертации В. Н. Русиновой, могут быть востребованы в работе международных организаций, внешнеполитических и оборонных ведомств, практикующих юристов-международников, адвокатов, а также в преподавании таких международно-правовых дисциплин, как «Международное гуманитарное право», «Международное право прав человека» и «Международное уголовное право».

Диссертация В. Н. Русиновой является законченным, логичным и обладающим научной новизной исследованием, что, однако, не исключает **наличия некоторых недостатков и спорных положений.**

Во-первых, вызывает сомнения обоснованность вывода о том, что происходит формирование международного обычая, в силу которого обязательства по соблюдению основных прав человека возлагаются и на неправительственную сторону вооруженного конфликта – организованные вооруженные группы. В качестве доказательства практики государств в диссертации приводятся ссылки на решения Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, которые в последнее время наряду с международным

гуманитарным правом стали указывать неправительственным организованным вооруженным группам на необходимость соблюдения международного права прав человека, а также на соглашения, которые заключались сторонами немеждународных вооруженных конфликтов (стр. 18, 97-101 диссертации). Вместе с тем, обязательства по соблюдению «законов и обычаев войны» возлагаются на неправительственную сторону вооруженного конфликта нормами международного гуманитарного права, что уже само по себе часто воспринимается и толкуется как попытка наделить неким правовым статусом эти вооруженные группировки. Представляется, что расширение сферы применения международно-правовых норм в области прав человека вряд ли соответствует воле государств.

Во-вторых, обосновывая возможность применения т.н. «интегрированного теста» при оценке правомерности лишения жизни в ходе вооруженного конфликта, автор диссертации исходит из того, что он может использоваться в вооруженных конфликтах как международного, так и немеждународного характера (стр. 297–304 диссертации). Вместе с тем, практика международных органов по защите прав человека, на которую опирается данный вывод, связана с немеждународными конфликтами. Нормы Женевских конвенций 1949 г. и Первого Дополнительного протокола, применимые в международных конфликтах, содержат достаточно детализированные правила, касающиеся действий по выведению противника из строя. Соответственно, вряд ли можно согласиться с мнением диссертанта о том, что основывающийся на сочетании норм международного гуманитарного права и международного права прав человека подход применим в вооруженных конфликтах международного характера.

В-третьих, требует дополнительного обоснования следующее утверждение диссертанта: в случаях международных вооруженных конфликтов международное гуманитарное право возлагает на государства обязанность проводить расследование всех случаев гибели лиц, которые могут быть квалифицированы как военные преступления. Что касается вооруженных

конфликтов немеждународного характера, то ни общая ст. 3 Женевских конвенций 1949 г., ни Второй Дополнительный протокол 1977 г. прямо не налагают на государства обязанностей по проведению расследования и привлечению виновных к ответственности за совершение значительных нарушений международного гуманитарного права в немеждународных конфликтах. Эти источники предписывают индивидам соблюдать определенные правила поведения и не возлагают на государства никаких обязанностей по уголовному преследованию виновных. Таким образом, грамматическое толкование общей ст. 3 Женевских конвенций и Второго Дополнительного протокола не позволяет вывести обязанность государств осуществлять уголовное преследование нарушений международного гуманитарного права, совершенных во время немеждународных вооруженных конфликтов. Вместе с тем смысл этих норм не препятствует государствам по собственному усмотрению криминализовать такие нарушения (стр. 314-315).

В-четвертых, в диссертации автор отмечает (стр. 365), что в отсутствие действующих норм международного гуманитарного права правовую базу для интернирования в немеждународных вооруженных конфликтах могут составлять источники национального права или международного права, которые соответствуют требованию «законности». Совместное применение норм международного гуманитарного права и международного права прав человека при определении содержания понятия «законности» лишения свободы может служить ещё одним примером интеграции норм этих отраслей, которая ведет к усилению защиты жертв вооруженных конфликтов и позволяет путем толкования избежать возможной коллизии норм.

Данная позиция основывается, в том числе, на анализе решений ЕСПЧ, что заслуживает положительной оценки.

Вместе с тем рассматриваемые соображения нуждаются в дополнительном обосновании и уточнении с учетом позиции Конституционного Суда Российской Федерации, содержащейся в его Постановлении от 14.07.2015 № 21-П "По делу о проверке конституционности

положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы".

Вместе с тем, указанные недостатки не влияют на высокий профессиональный уровень выполненного диссертационного исследования и могут быть рассмотрены в последующих научных трудах диссертанта.

Вывод. Подготовленная В. Н. Русиновой диссертация является научно-квалификационной работой, в которой разработаны теоретические положения, касающиеся совместного применения в вооруженных конфликтах норм международного гуманитарного права и международного права прав человека, которые можно квалифицировать как важное научное достижение в области международного публичного права.

Диссертация написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством изложения, содержит новые научные результаты и положения, которые свидетельствуют о личном вкладе автора диссертации в развитие научных исследований в области защиты прав человека в вооруженных конфликтах. Автореферат полностью соответствует диссертации. Основные результаты диссертации опубликованы в рецензируемых научных изданиях (16 статей) и в двух монографиях («Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека» — М.: Статут, 2015. — 384 с. (24 п. л.) и «Нарушения международного гуманитарного права: индивидуальная уголовная

ответственность и судебное преследование» — М.: Юрлитинформ, 2006. — 190 с. (13 п. л.)).

Исследование на тему «Права человека в вооружённых конфликтах: соотношение норм международного гуманитарного права и международного права прав человека» соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора юридических наук, а ее автор — Вера Николаевна Русинова — заслуживает присвоения ей ученой степени доктора юридических наук по специальности: «12.00.10 — Международное право; Европейское право».

Официальный оппонент
заместитель начальника Правового управления
Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания
Российской Федерации
д.ю.н., профессор

В.В.Алешин

Алешин Владимир Васильевич научная специальность: «12.00.10 — Международное право; Европейское право». Решением ВАК от 21 декабря 2007 г. № 51д/67 присуждена ученая степень доктора юридических наук, диплом Серия ДДН № 005936.
Адрес: г. Москва, □ ул. Новый Арбат, д. 19 Телефон: +7 (495) 697-78-40

«24» мая 2016 г.

подпись Алешин В.В. ДОСТОВЕРЯЮ

Начальник Управления
государственной службы и кадров
Аппарата Совета Федерации

А.Б. Корчак

